

Он натаскивал своих волчат, за послушание всегда награждая вялеными потрохами, а за баловство — хворостиной промеж ушей. Брал их на охоту, учил отслеживать дичь и откликаться на свист. Он занимался этим и в замке отца со скуки, между походами. Но волки всё же не были собаками, и нрав у них был другой. Однако, вкусный вяленый потрох всегда помогал Баки решить любые проблемы с мохнатыми пакостниками. Спустя почти две луны, как они появились тут, волчата заметно подросли. Развалившись, длиной они были как ноги друида под шкурами. Лениво прядали ушами, пока тот работал, шурша пальцами. А Баки надолго прикипал взглядом: волосы у Стива отросли, и теперь закрывали уши. Серопшеничные, пряди свешивались на лоб, и тогда друид, хмурясь, убирал их обратно за уши, а Баки отмирал и продолжал свои дела. Он ждал, когда уже вскрыется лёд на озере. Это будет знак к тому, что весна переломила зимний холод, и можно будет, совершив особый обряд, пойти и как следует окунуться в холодные воды, оттереть от себя и друида зимнюю надоевшую грязь.

Стив больше никогда не оборачивался, пока Баки готовил для него ведьмино молоко. И не говорил ничего. Только Баки замечал порой, как румянец заливает его шею и уши. И почему-то это ему помогало.

Когда на ближайших деревьях набухли почки, а снега на полянке перед холмом почти не осталось, друид поднялся на ноги. Он всегда становился страшно вредным и упрямым, когда дело касалось его ног. И Баки не лез со своей помощью. Но не удержался, подхватил друида рукой, когда тот, держась за стенку, сделал шаг и начал заваливаться. Стив тут же судорожно схватился за шею и повис, распахнув глаза широко-широко:

— Я встал! — поражённо выдохнул он. — Баки! — и вдруг лицо его оказалось близко-близко. Баки почувствовал отчаянный поцелуй где-то между нижней губой и подбородком, и ему стало так хорошо, что он глухо рассмеялся.

— Полдела сделано. Осталось заново научиться ходить.

— Что бы ты понимал, — хмурясь от напруги, Стив отпустил одну руку и снова попробовал шагнуть, но его нещадно повело в сторону. — А ну, води меня в лес.

И хотя раньше Баки принимал приказы только от отца или вышестоящего военачальника, он без слов повиновался. Улыбка не сходила с его губ.

Кое-как дотащив Стива до подростка, Баки понял, что это ещё не всё: друид требовал найти ему две молодые крепкие берёзы в два их роста и срубить их. Стоять он ещё не мог, а потому раздавал указания сидя, прислонённый спиной к старому трухлявому пню.

— Вот эта подойдёт. И вон та. Ниже руби. Ты не понимаешь, мне нужна эта рогатина! Вот так...

И Баки рубил, привычно высекая щепки в виде клина, и старался не замечать, как блестят у Стива глаза, потому что смотрит на него.

Обтёсанные нетолстые стволы с рогатинами Стив приладил под подмышки и, к ошарашенному удивлению Баки, вдруг поковылял между деревьями сам. Ноги двигались неуверенно, но Стив помогал себе, передвигая рогатины и опираясь на них. Баки только диву давался, глядя на Стива. Откуда у него столько смекалки?

— Сколько тебе вёсен? — спросил он из-за спины, и Стив, расслышав, чуть не завалился набок, выровнявшись в самый последний момент.

— Почему ты спрашиваешь? — обернулся он, щурясь. И Баки подумал вдруг, что он, должно быть, совсем мальчишка, и правды ему не скажет. Сейчас он выглядел почти по-детски, с закушенной от усердия губой.

— Просто, — Баки встал рядом, готовый ловить в случае чего.

— Шестнадцать, — буркнул Стив и медленно поковылял к землянке.

Баки понять не мог, почему всю дорогу губы у него невольно улыбаются чему-то, а мысли витают далеко. Разница вроде невелика, но смотря чем её заполнить. Баки заполнял свои годы тренировками и походами. И плотскими утехами. Он тоже много чего успел повидать, и теперь его буквально распирало от накатившего осознания своей важности и взрослости. Но впервые он не хотел говорить об этом, не искал похвалы. Ему просто было очень приятно думать, что это он здесь для того, чтобы защищать и оберегать, чтобы быть старшим, сильным, главным. Так сладко было снова и снова думать об этом и следить краем глаза, как бы не свалился из-за скрытой ямы или мягкого мха этот упёртый мелкий мальчишка, едва снова вставший на ноги.

— Мой наставник делал себе такие рогатины, когда упал в овраг и сильно подвернул ногу. Ему повезло, что рядом был подходящий валежник. Я бы не смог донести его, просто не хватило бы сил. Даже волоком, — рассказал Стив. — Я много чего узнал от него. Он рассказывал, что приплыл на наши острова с большой земли. А я даже представить не могу, где это и как выглядит, и долго ли плыть.

Баки тоже не знал. Точных знаний не было ни у кого, а смельчаки, уплывшие на поиски большой земли, чаще всего, не возвращались.

— Я думаю, там всё такое же, как и здесь. Только земли больше. И зачем им к нам плыть тогда? Неужели своей земли мало?

Стив фыркнул. Волчата крутились под ногами, почти не реагируя на окрики, и Баки смирился. Решил не наказывать их сегодня, в такой счастливый день. Стив вдруг остановился: они только вышли из подлеска, и перед ними в закатных лучах солнца лежала вся их поляна с холмом и землянкой, с поленницей дров, со шкурами, развешанными на рогатинах, с редкими, уже сильно осевшими снежными валами, разбросанными тут и там по пожухлой траве. Сквозь бурые, примятые растаявшими сугробами стебли тут и там пробивались множество зелёных, нежных, таких неожиданных стебельков. Они были согнуты, словно в глубоком пояском поклоне, и их белые венчики держали лепестки плотно сомкнутыми. Баки мог поклясться, что

не видел этих цветов ещё утром. Как они смогли прорасти так быстро?

— Скоро первоцветы распустятся, — зачарованно выдохнул Стив. Закатное солнце гладило его лицо, делая брови и ресницы золотыми. — А за ними и лето поспеет. Я так люблю лето. Когда теплые ночи, и небо такое глубокое и чистое, как самый глубокий колодец. И в нем серебрится утопленное на счастье серебро. Знаешь, я Бельтайн больше люблю.

— Больше Самхейна? — уточнил Баки, неотрывно глядя на Стива, и тот повернулся к нему, улыбаясь. Такой юный и счастливый, каким Баки его ни разу не видел.

— Больше всего.

<http://erolate.com/book/3459/83638>